

УДК 81'42 Л. Дранько-Майсюк

М. О. Тригук,

аспірант кафедри культури речі і міжкультурних комунікацій БГПУ

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ / НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА АВТОРА (В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ Л. ДРАНЬКО-МАЙСЮКА «ХАРАКТАР АРМЕНИИ»)

Одной из сторон художественного текста, по М. М. Бахтину, олицетворяющих его диалогичную природу, является образ автора, воплощающий концептуальный уровень семантики текста. В рамках художественного стиля данная категория рассматривалась В. В. Виноградовым, Л. В. Щербой, Н. М. Шанским, Л. А. Новиковым и др. Образ автора воплощает в себе различные закономерности употребления языковых единиц в художественном тексте, отражая, по мнению Е. А. Гончаровой, «сущность художественного текста как продукта коммуникации» [1, с. 5]. Как средство репрезентации данной категории рассматриваются единицы разных уровней языковой системы: лексического (состав словаря и принципы отбора языковых средств, в том числе: разговорная лексика, тематические группы лексики, выразительные средства, ораторские приемы [2–4]), морфологического (части речи с эгоцентрическим значением, показатели субъективной модальности, видо-временные глагольные формы, словообразовательные и формообразующие модели [3; 5]), синтаксического (закономерности синтаксического строения предложений и абзацев, а также связи между ними [2]). Кроме того, как способ выражения образа автора изучается категория оценочности [6–7], в том числе глаголы, вводящие речь как средство выражения авторской оценки [8]. Таким образом, основное внимание уделяется лексическому уровню, между тем смыслообразующая составляющая образа автора выявляется и через грамматические доминанты художественного текста. Грамматику текста составляют единицы языка и категории, функционирующие в тексте и выполняющие в нем определенные текстовые функции. Целью исследования выступает выявление стилистического потенциала функционально-семантического поля (ФСП) определенности / неопределенности в репрезентации образа автора в художественном тексте Л. Дранько-Майсюка «Характар Арменіі» [9, с. 166–182].

Образ автора в первую очередь является смысловой, или содержательной, категорией

(В. В. Виноградов, З. Я. Тураева и др.). В классификации образа автора В. В. Виноградовым выделяется тип всезнающего автора и тип автора, приближающегося к рассказчику. Несмотря на отличие в характере повествования, для образа автора характерна смысловая концентрация центральной идеи произведения, в широком смысле связанная с грамматическим значением определенности, выделяемым стилистически. Применительно к образу автора значение определенности является доминантным личностным смыслом. По мнению А. В. Бондарко, «адекватная трактовка семантики О/НО может быть осуществлена лишь в рамках описания, объектом которого являются... связные тексты, отражающие ситуации и отношения между адресантом и адресатом» [10, с. 236]. В теории функциональной грамматики категория определенности / неопределенности рассматривается «как семантическая категория, отражающая учет информированности слушающего говорящим о названном именем существительным объекте действительности, и вместе с тем как поле, охватывающее разнородные формальные средства, служащие для выражения указанных отношений» [10, с. 242].

В художественной речи Л. Дранько-Майсюка языковые средства репрезентации ФСП определенности / неопределенности отражают индивидуально-авторские стилистические особенности и характер образа автора. Согласно Т. В. Матвеевой, существует четыре значимых параметра при описании текстовой категории: а) набор языковых составляющих; б) текстовая значимость различных типов языковых составляющих; в) комбинаторика языковых составляющих в составе линейного ряда средств выражения текстовой категории; г) размещение сигналов текстовой категории на пространстве текста [5]. Повествование посвящено знаменитому армянскому поэту, прозаику и переводчику – Егише Чаренцу, имя которого скрывается от читателя. Как отсылка к его имени функционируют название его романа «Страна Наири» и упоминание героев из этой книги. Возникающая в результате приема

умолчания неопределенность становится средством создания экспрессивности художественного текста и задает напряженность повествования. Статус грамматической доминанты текста приобретает значение определенности, доминирующим способом указания на которое является семантика местоимений. Высокой частотностью употребления отличается местоимение *ты*, функционирующее как способ указания на поэта и с точки зрения автора воплощающее значение определенности: *Я ведаю: калі буду пісаць про Армению, буду пісаць пра Цябе, бо Ты – слоўная сутнасць армянскага дыхання*. О значении определенности в данном употреблении Т. Цивьян высказывалась как о «неопределенной определенности». Как отмечает И. И. Ковтунова, «... в этой формулировке одновременно присутствует взгляд с двух точек зрения – говорящего и адресата. Неопределенный – с точки зрения читателя. Неопределенный здесь означает неизвестный или не вполне, не до конца известный читателю. Определенность – с точки зрения говорящего, автора речи» [11, с. 40]. С учетом использования приема умолчания образ автора при таком употреблении личных местоимений становится лирическим, так как именно для лирики характерна позиция, в которой «отсутствует презумпция известности читателю предмета речи» [11, с. 40]. В повествовании возникает имплицитно оформленная оппозиция определенности / неопределенности, подчеркивающая сложную структуру выражаемого автором смысла. Неизвестность читателю субъекта повествования выступает в данном случае как способ создания восхищающегося образа автора. Восхищение величием поэта автор распространяет на широкий круг лиц: *Хто Цябе любіць, той на сённяшні дзень чуе і будзе чуць бязлітасны ледзяны звон*. Местоимение *той*, вместе со значением определенности указывая на лиц, испытывающих особые чувства, выделяет поклонников поэта. Следующее далее местоимение *ўсе* также передает значение полного охвата действием всех субъектов, что возвеличивает поэта: *А Цябе любяць усё, бо Ты пясняр павебра Армении...* В целом местоимения с общим значением субъектности и определенности, в употреблении, сближенном с лирическим, создают лирический и восхищающийся образ автора, передавая общее настроение повествования.

Показателем определенности являются многочисленные притяжательные местоимения: *Гэта была сутнасца твая думка, і ўсё раней пачулае адкрылася мне праз гэтую думку ў сваім сапраўдным сэнсе: так смела*

пра сябе і свой народ, у шмат разоў перабольшваючы свае недахопы, могуць казаць толькі царскія дзеці. Значение 2-го лица создает ощущение близости поэта и автора, передавая связь двух внутренних миров и акцентируя внимание читателя на особом отношении к поэту, исходящем от автора. Выделяется частотностью своего употребления местоимение *твой*, указывающее на принадлежность 2-му лицу и выступающее в сочетании с отвлеченной и возвышенной лексикой, создавая образ народного поэта: *Твой народ, Твой родны Карс, Тваё літаратурнае імя, Твая думка, Тваё фізічнае існаванне, Твой неспакой, Тваё сэрца, Твой партрэт, Твая мова, Твой учынак, Твая магіла* и др. Данное значение, в сочетании со значением определенности, часто выделяется синтаксически: *Ты – Характар Армении. Ты – мноства характараў. У Лявона – Твая шчодрасць... У Давыда – Твая шляхетнасць... У Ашота – Твая адыходлівасць*. Четкая, предельно упрощенная синтаксическая конструкция, способствующая однозначному пониманию авторской мысли, становится контекстуальным способом выражения определенности. Нагнетание значения 2-го лица, дистантно повторяющегося в повествовании, усиливает восхищение поэтом, исходящее от образа автора. Автор познает армянскую действительность и ее проявления в соотношении со знаменитым уроженцем этой земли: *Хлопчык чытае, і я слухаю Тваю мову, і вакол мяне ўсё на Тваёй мове, толькі на шыфернай будцы-майсэрні надпісы кірыліцкія*.

Пытаясь проникнуть во внутренний мир поэта, автор особое внимание уделяет месту и времени событий, связанных с его жизнью. В связи с этим эгоцентрические слова *тут, там, тады* выделяются логическим ударением в предложениях: *Менавіта тут выяўна і акрэслена Ты ўбачыў уласную пагібель. З дзяцінства дыхаў дывановымі ўзорамі Карса, і ўжо тады пэўна прадчуваў, што ў Карсе болей не жыць...* Включая в свою семантику позицию наблюдателя, данные эгоцентрические слова усиливают свое дейктическое значение и образно воссоздают пространственные и временные рамки событий, выделяя их среди реалий этого типа. Кроме того, местоименные наречия в соответствии с первоначальным значением могут указывать на непосредственно близкое и более отдаленное пространство и время, выступая в пространственно-изобразительной функции. Местоимение *тут* и указательная частица *вось* становятся композиционным стержнем повествования, участвуя в выделении ключевых смысловых позиций: ... *дык вось тут, у Цах-*

надзор, льга не проста ўцяміць, не толькі зразумець і метафарычна выкапаць, а нават зрокава адчуць той карань, з якога вырасла Тваё імя. За счет семантики указания на близкий пространственно или темпорально предмет образ автора становится более явным и эмоционально-выраженным.

Наречие *там* обладает в художественной речи более широким, чем *тут* функциональным диапазоном, указывая на далекое, в том числе недоступное зрительному восприятию, пространство: *Ты разгадаў таямніцу знікнення Хачатура Абавяна; зразумеў, што ён нідзе, акрамя Арарата, не мог жыць вольна і таму патаемна яшчэ раз узышоў на Арарат і там спачыў*. Выделенное наречие выступает как эффективное выразительно-образное средство, указывающее на восприятие далекого пространства как часть внутреннего мира. Особое восприятие автором Арарата поясняется в контексте: *На Арараце ж спачываеш і Ты...* Дистантно расположенные местоимения *тут / там* оформляют оппозицию, основанную на контрасте значений близость / удаленность по месторасположению от говорящего. В повествовании данная оппозиция подчеркивает образ автора, углубленного в сознание армянского поэта, благодаря чему для него стираются пространственные рамки.

Семантика определенности в сочетании с семантикой указательности часто отсылает читателя к отдельным выражениям авторской речи, тем самым становясь знаком особой смысловой значимости сказанного: *І словы гэтыя прагучалі як эпіграф да ўсяго таго, што я наогул пачуў у Ерзване і ў пісьменніцкім доме ў Цахкадзоры...* Падавая на местоимение, логическое ударение становится дополнительным средством указания на сфокусированный и сосредоточенный на творчестве поэта образ автора: *Гэтыя літары жылі ў сэрцы Бога; існавалі на камені, метале, папірусе, пергаменце, дрэве, пальмавым лісці, казінай шкуры і, вядома ж, на звычайнай паперы*. Выполняя изобразительную функцию, местоимение придает образу автора лирический характер, становясь знаком индивидуально-авторского восприятия. В предложении с именной группой с помощью глаголов и обстоятельств конструируется оригинальный смысл, подчеркивающий образно-поэтическую составляющую местоимения.

Местоимение *гэта* со значением определенности и указательности функционирует в повествовании как способ отсылки к ранее озвученной мысли, позволяя ее глубже осознать читателю: *Гэта ж, мусіць, пайшло ад*

Грыгора Нарэканцы – бязлітасна наракаць на сябе. Выполняя дейктическую и анафорическую функции, местоимение фиксирует внимание на определенном факте, придавая экспрессивность образу автора. Как отмечал В. В. Виноградов, указательные местоимения и наречия «с семантической точки зрения являются заместителями имен в их номинативной функции, то есть для символизации определенного конкретного предмета и явления» [12, с. 140]. Замена развернутого повтора ранее сказанной мысли местоимением придает высказыванию определенность, позволяя выдвинуть на первый план индивидуальность авторской оценки. Знаком присутствия эмоционально-экспрессивного образа автора выступает оппозиция *гэта / тое*: *О, гэты незагойны апёк на армянскім целе ад распаленага дзікунствам асманскага жалеза! – Аднак жа з якой велікадушнай тактоўнасцю Давыд Мурадзян перапыняў усе гаворкі пра тое дзікунства, калі яны пачыналіся ў прысутнасці Аслі*. Изменяя местоимение, автор сближает свою позицию то с армянским народом, для которого боль за погибших во время войны с турками будет вечной, то с Асли, турецкой поэтессой, лично не причастной к этой трагедии.

В повествовании возникают контекстуальные средства, репрезентирующие значение определенности и проясняющие авторскую позицию: «...как только наблюдению подвергаются синтагматические особенности выделенной категории, в действие вступают другие категории текста» [13, с. 124]. Значение определенности может усиливаться семантикой остальных членов предложения, в частности при возникновении между ними противительных отношений (*удзень – ноччу, спаць – не спаць*), способствующих разностороннему описанию ситуации: *Але ж, пэўна, і тут, як і, скажам, у Арарацкай даліне, дахі такія, што на іх удзень добра сушыць садавіну, а ноччу спаць, а калі не спаць, то выгодна з іх глядзець у звярыны змрок неба*. Более эффективным средством воздействия становятся видо-временные формы глаголов. Формы настоящего постоянного, употребляемые при именной группе *твой + сущ.*, позволяют выразить особый статус поэта как нечто устоявшееся, традиционное, что подчеркивается повторением одинаковой синтаксической структуры предложений: *Невідушчыя пачынаюць бачыць снег Масіса, калі згадваюць Твае вершы; старыя маладзёўцы, калі ўяўляюць Твой нораў; непрыгожыя прыгажэўцы, калі прамаўляюць Тваё імя*. Формы имперфекта, репрезентирующие действия поэта как посто-

янную процессуальную характеристику, придают его образу дополнительную определенность: *З дзяцінства дыхаў дывановымі ўзорамі Карса, і ўжо тады пэўна прадчуваў, што ў Карсе болей не жыць, што ягонья мурры неўзабаве густа набяруцца роднай крывёй і ўсцяж на яшчэ жывых людзей ляжа крывавае сажа.* Указывая на действие как постоянную характеристику, имперфект создает значение определенности, тем самым усиливая модальность уверенности, выраженную формами будущего совершенного (*набяруцца, ляжа*).

Значение неопределенности, составляющее оппозицию значению определенности и значительно уступающее ему в частотности, возникает как характеристика глубины авторских переживаний, вызванных восприятием чужой действительности, и становится сигналом, который направляет внимание адресата на следующую за ним информацию: *Я прыехаў з гістарычна-расцярушанай прасторы, і мне было дзіўна, нават неяк ніякавата чуць такое.* Данное значение актуализируется при взгляде автора, выходящем за рамки пространства и времени, исходя из которого строится повествование: *І дзе б ні жыў, – дзяцей вучыў сваёй мове і, часта здаралася, называў іх Айстан... Некалі ўсё Табе падабалася ў ёй...* Оппозиция значений неопределенности и определенности выступает как знак содержательно-концептуальной информации, представляющей читателю ключ к пониманию судьбы поэта и ее видения автором: *Ты нешта ведаў больш, чым іншыя, але ж ведаў і тое, што, сказаўшы пра гэта, – імя сваё ўбачыш накрэсленым жоўцю на абсідыяне.* Более частотно контекстуально обусловленное значение неопределенности, возникающее в повествовании при употреблении вопросительных конструкций: *Ці не самы старажытны люд у свеце не ведае залатой сярэдзіны і ўсё яшчэ шукае сябе?!* В данных отвлеченных размышлениях образ автора приобретает философский характер. Размышляющий и ищущий характер образа автора может передаваться также рядом однородных определений, соотносимых с великим армянским поэтом: *Неўтаймоўны, неўтаймаваны, нястрымны, няўпынны, кручаны, нарваны, агнёвы, навальнічны, маланкавы, ясенны, шалёны, люты, раз'юшаны, раз'ятраны, утрапёны, неслухмяны, палкі, яры, злы, безразважны, свавольны.* Богатый набор описательных характеристик передает стремление автора проникнуть во внутренний мир поэта. Повествование заканчивается риторическими вопросами, преодолевающими языковое зна-

чение неопределенности и являющимися экспрессивным способом выражения авторской позиции: *На Арараце ж спачываеш і Ты... – ... іншы раз пытаюцца ў мяне, а чаму на помніку не выбіта імя паэта? – гэта азваўся, зачепіў нас вартаўнік пісьменніцкага дома. – І я заўсёды адказваю: а хіба трэба на небе выбіваць, што гэта неба?! А хіба трэба на зямлі пісаць, што гэта зямля?! Имплицитная оппозиция значений неопределенности / определенности становится способом смысловой акцентуации авторской позиции и репрезентации уверенности автора в ее правильности.*

Таким образом, грамматическая категория определенности / неопределенности выступает в повествовании как базовая основа для репрезентации смысловой категории «образ автора», реализуя его всезнающее начало. В художественном тексте «Характар Арменіі» доминирующим грамматическим значением в рамках данной категории является значение определенности, которое возникает при употреблении местоимений различных разрядов и создает представление об активном образе автора. Центральной характеристикой образа автора становится его лирически-возвышенный и восхищающийся характер, частотными средствами репрезентации которого становятся личное местоимение *ты* в значении «неопределенной определенности», синтаксически выделяемое местоимение *твой* в сочетании с возвышенной и отвлеченной лексикой, местоименные наречия в пространственно-изобразительной функции. Оппозиции (*тут / там, гэта / тое, нешта / гэта*) передают эмоционально-экспрессивную природу образа автора и выступают как средство выделения содержательно-концептуальной информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончарова, Е. А. Пути лингвостилистического выражения категорий автор – персонаж в художественном тексте / Е. А. Гончарова. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. – 149 с.
2. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста : учеб. пособие / В. А. Кухаренко. – Л. : Просвещение, 1979. – 327 с.
3. Геймбух, Е. Ю. Образ автора как категория филологического анализа художественного текста (на материале произведений И. С. Тургенева малых форм) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. Ю. Геймбух. – М., 1995. – 190 с.
4. Кручевская, Г. В. «Образ автора» в творчестве К. Г. Паустовского (лингво-стилистический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Г. В. Кручевская. – Томск, 1990. – 20 с.
5. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 696 с.

6. *Эстрина, В. А.* Образ автора как лингвостилистическая категория текста (на материале романов Диккенса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В. А. Эстрина. – Львов, 1980. – 20 с.
7. *Горшков, А. И.* Лекции по русской стилистике / А. И. Горшков. – М. : Лит. ин-т., 2000. – 272 с.
8. *Захарова, О. А.* Глаголы, вводящие речь, как характеристика ОА и образа ратора (на материале произведений Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» и «Дневник писателя») : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. А. Захарова. – М., 2006. – 161 с.
9. *Дранько-Майсюк, Л.* Характер Арменії / Л. Дранько-Майсюк // Книга для спадарыні Эл: проза, вершы, п'еса. – Мінск : Кнігазбор, 2012. – С. 166–182.
10. Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб. : «Наука», 1992. – 304 с.
11. *Ковтунова, И. И.* Поэтический синтаксис / И. И. Ковтунова. – АН СССР : Институт русского языка. – М. : Наука, 1986. – 206 с.
12. *Виноградов, В. В.* О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски) / В. В. Виноградов. – Л. : Изд-во Фонетич. ин-та яз., 1925. – 165 с.
13. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : КомКнига, 2007. – 144 с.

SUMMARY

In the article potential of definite / indefinite functional-semantic field in representation of the «image of the author» on the example of the art text «The Character of Armenia» by L. Dranko-Maisuk is analysed. Different categories of pronouns as the main way of representation definite / indefinite meaning are described. The way of using mentioned means creates lyrical sublime and admiring character of the «image of the author».

Поступила в редакцию 04.11.2014 г.